

ЛЕГИТИМНОСТЬ И ЛЕГИТИМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ*

Д.А. Авдеев

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
10 января 2021 г.
Дата принятия в печать –
15 апреля 2021 г.
Дата онлайн-размещения –
25 июня 2021 г.

Исследуется легитимность как свойство публичной власти, анализируется процесс легитимации деятельности органов публичной власти в Российской Федерации, в связи с чем выделяется ряд ее характерных особенностей. Рассматривается юридическое понимание народа как источника власти и носителя суверенитета. Выделяются основные проблемы обеспечения легитимности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации и предлагаются меры, направленные на их решение.

Ключевые слова

Легитимация, легитимность,
органы публичной власти,
народ, государственная власть,
народовластие, публичное
управление

LEGITIMACY AND LEGITIMATION OF THE RUSSIAN PUBLIC AUTHORITY**

Dmitry A. Avdeev

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Article info

Received –
2021 January 10
Accepted –
2021 April 15
Available online –
2021 June 25

The subject. The article is devoted to the legal analysis of the legitimacy of the activities of public authorities and the process of their legitimation in the Russian Federation, as well as other problems of national democracy. The legal understanding of the concept of "people" as the only source of power and the bearer of sovereignty is considered, a distinction is made between these properties.

The purpose of the article is to identify its essential features the category of legitimacy, identify problems related to the reflection of the political will of Russian citizens in the organization and activities of state authorities and local self-government. The purpose of the article is to substantiate also the differences in the characteristics of the people as the only source of power and the bearer of sovereignty, which has a significant impact on the processes of legitimation of public authorities in the Russian Federation.

Keywords

Legitimacy, legitimation, public
authority, people, state power,
democracy, public administration

The research methodology consists of general scientific methods (analysis, synthesis, dialectics) and legal methods (formal-logical, comparative-legal, historical-legal, forecasting method).

The main results and their area of application. The author considers legitimacy not only as the consent of the people with the normative legal acts adopted by public authorities, but also as universal approval and recognition of their organizational activities, expressed by citizens through the institutions of direct democracy. The legitimacy of public authority is an attribute of a constitutional state with a social orientation. The article notes a few features characteristic of the domestic process of legitimizing public authority. The procedure for the formation of the Federation Council of the Federal Assembly, in which Russian citizens do not participate directly, starting from 1995 to the present. The cancellation and return of direct elections of heads of constituent entities of the Russian Federation, the impossibility of electing the heads of municipalities directly by the population (in many cases). A complicated procedure for the implementation of active and passive electoral

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31740.

** The reported study was funded by Russian Foundation of Basic Research (RFBR) and Expert Institute of Social Studies, project number 20-011-31740.

rights in the Russian Federation, expressed in the establishment of several formal requirements. Constant changes in electoral legislation before election campaigns are among these characteristics.

Conclusions. The results of research are summarized and conclusions are drawn about the current state of legitimacy in the Russian Federation. A few measures are proposed to improve the process of legitimizing public authority. The author proposes to distinguish between the legal characteristics of the people as the bearer of sovereignty, understanding by it all Russian citizens and as the only source of power, which is formed by the voters.

1. Введение

Вопросы легитимности, равно как и процесс легитимации публичной власти, не следует рассматривать, для объективности их исследования, только с позиций политологических и социологических наук. Ошибочно полагать, что юридическая наука освещает лишь проблемы, касающиеся организации и деятельности органов публичной власти (порядок их формирования, компетенцию и правовые основы их взаимодействия между собой).

В последнее время легитимность деятельности органов публичной власти различного уровня и вида попадает в фокус конституционно-правового исследования. Даже конституционные поправки, принятые в 2020 году, были вынесены на общероссийское голосование для придания им легитимности – своеобразного народного одобрения, что, однако, не предусматривалось процедурой внесения изменений в соответствующие главы Конституции.

Безусловно, институты непосредственной демократии, а точнее механизмы их реализации, оказывают существенное влияние на характеристику деятельности органов публичной власти, которая выступает своего рода отражением народной воли, являясь олицетворением легитимности их функционирования.

Одним из показателей легитимности публичной власти является процедура образования (формирования) высших органов государственной власти и органов местного самоуправления. Демократическая природа государства предполагает не только непосредственное участие граждан в избрании высших органов публичной власти, но выражение своей политической воли посредством иных форм и способов. В частности, с помощью публичных мероприятий: шествий, демонстраций, пикетирований, собраний и митингов, – которые, по нашему мнению, наряду с референдумом и выборами являются высшим непосредственным выражением власти народа. Как верно подмечает А.В. Саленко «конституционная свобода мирных собраний имеет двой-

ственную правовую природу: с одной стороны, выступает способом реализации свободы мысли и слова, свободы выражения мнения, а также достоинства личности и права на свободное развитие; с другой представляет собой элемент непосредственной демократии (народовластия), благодаря которому у граждан есть дополнительная возможность по управлению делами государства и решению вопросов местного значения» [1, с. 14].

Следовательно, органы публичной власти, прежде всего высшие органы управления, должны не просто быть образованы в строго определенном законом порядке, что позволяет говорить о легальности их деятельности, они должны быть, в первую очередь, легитимными, то есть отражать волю большинства избирателей, выразивших свои политические убеждения посредством различного рода институтов и форм демократии [2, с. 6].

В настоящее время возникает ряд вопросов относительно процесса легитимации органов публичной власти, отражения народной воли в их деятельности. К примеру, если легитимность деятельности органов, исполняющих публично властные полномочия и функции по управлению общественными делами, является отражением интересов народа (его большинства), то, собственно, что следует понимать под народом? Тождественны ли по своему смысловому содержанию понятия источник власти и носитель суверенитета, которыми характеризуется национальный народ Российской Федерации? На эти и другие вопросы, связанные с процессами легитимации отечественных органов публичной власти, попытаемся ответить в этой статье.

2. Легитимность как свойство публичной власти современного государства

Современная публичная власть в лице различного рода органов управления, обладающих государственными полномочиями и прерогативами, должна основываться на принципах народовластия и демократического устройства. Следовательно, органы государственной власти и местного самоуправления в

Российской Федерации, осуществляя свои функции выражают политическую волю российских граждан, в основе которой лежит идея обеспечения прав и свобод личности. Данное положение находит свое отражение в статье 18 Конституции Российской Федерации, согласно которой права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления.

Считаем, что вышеприведенная статья указывает на легитимность как свойство деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, которые после внесения изменений и дополнений в Конституцию Российской Федерации 2020 года образуют собой единую систему органов публичной власти. Таким образом, органы, образующие единую систему публичной власти в Российской Федерации, осуществляя взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории, призваны обеспечивать правовую свободу человека как высшей конституционной ценности.

По нашему мнению, целью функционирования всех органов власти и управления является обеспечение прав личности. Ведь, по сути, государство и образуется как политическая организация общества, назначением которой является создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7 Конституции). Безусловно, трудно представить государство, в котором бы обеспечивались и реализовывались права и свободы всех граждан. Однако максимизация обеспечения прав и свобод подавляющего числа людей является незыблемым свойством современного государства, позиционирующего себя как правовое и цивилизованное. Одной из государственных задач является создание социально-экономических условий, обеспечивающих реализацию правовой свободы личности, его самореализацию для общего блага.

Следовательно, граждане должны понимать важность участия в образовании (формировании) органов публичной власти, которые и будут представлять интересы большинства, создавать условия для дальнейшего обеспечения прав человека. Важным в этом процессе является то, насколько образуемые народом органы публичной власти отражают волю большинства граждан в своей деятельности. Иными словами, реализация народовластия способствует процессу легитимации публичной власти, сближению органов публичной власти с гражданами, которые, согласно демократическому понима-

нию государственного устройства, выражают свои политические амбиции и иные потребности управленческого свойства через институты непосредственной демократии.

Деятельность иных органов власти и управления, создаваемых органами высшими органами публичной власти, образованными, в свою очередь, гражданами непосредственно, также должна отвечать свойству легитимности. Данный вывод вытекает из того, что органы публичной власти вне зависимости от того, образованы (сформированы) они непосредственно гражданами, или нет, должны проводить в жизнь политику, в основе которой лежит политическая народная воля и интересы большинства граждан.

Конституционное положение о единстве публичной власти, которую образуют органы государственной власти и местного самоуправления, отражает особенности ее строения, включающее три ее уровня – федеральный, региональный (субъектовый) и муниципальный. При этом федеральный и региональный (субъектовый) являются уровнями государственной власти.

Единство публичной власти должно способствовать объединению усилий органов государственной власти и местного самоуправления в решении социально-экономических задач, а для этого необходима их координация и взаимодействие. Это позволит органам публичной власти различного уровня наиболее эффективно обеспечивать права и свободы человека, что, как мы говорили ранее, в соответствии с Конституцией определяет смысл и содержание их деятельности. В этом и проявляется истинное народовластие. Как верно подмечает профессор В.В. Таболин «ставя народовластие и общественные интересы во главу угла, можно признать родственность понятий публичность и народность – связь институтов власти с народом, обусловленность политико-правовых явлений жизнью, выражение в деятельности государственных и муниципальных органов власти общественных, коллективных и частных интересов населения. В данном контексте народность выступает как механизм публичности, обеспечивая ее организационную основу» [3, с. 11].

Можно сказать, что народность публичной власти и есть легитимность. Сам термин «легитимность» от лат. *legitimus* означает согласный с законами, законный, правомерный, легитимация – это узаконение какого-либо нового политического режима, придание ему легитимности [4]. Несмотря на то, что термин легитимность имеет юридическое проис-

хождение, им почему-то чаще оперируют политики или представители иных неюридических наук. В частности, известный социолог М. Вебер рассматривал легитимность с позиций признания власти правителей и обязанности управляемых ей подчиняться, выделяя при этом три ее типа: традиционный, харизматический, рационально-легальный. При этом, данные типы могут дополнять друг друга или быть взаимосвязаны [5, с. 25–26].

«Сущность легитимности, – по мнению американского политолога Д. Истона, – сводится к тому, что источником власти выступает идеология, политический режим и политическое лидерство, а граждане поддерживают политические устремления высших органов власти и управления, осознавая правильность принимаемых ими решений» [6, с. 319]. Липсет С. М. рассматривал легитимность как «качество политической системы, как ее способность поддерживать веру населения и социальных групп в то, что существующие политические институты наиболее соответствуют данному обществу» [7, с. 104].

Французский политолог Ж. Шабо рассматривал легитимность как «адекватность реальных или предполагаемых качеств управителей подразумеваемому или ясно выраженному согласию управляемых» [8, с. 160]. На основе чего им выделялось 4 типа легитимности: демократическая, идеологическая, технократическая и онтологическая.

Ю. Хабермас легитимацию власти рассматривает как интеграцию общества, большинство членов которого поддерживают ценности и нормы, провозглашаемые властью «чтобы удовлетворить эти притязания, т. е. показать, почему существующие институты достойны и правомочны осуществлять законную власть таким образом, чтобы реализовались основополагающие для идентичности общества ценности» [9, с. 183].

Американский политолог Д. Хелд выделяет 7 вариантов легитимации власти: авторитарная легитимность, традиционная легитимность, согласительная легитимность, прагматическая легитимность, инструментальная легитимность, нормативная легитимность, и идеальная нормативная легитимность. Последние два варианта, по его мнению, являются подлинно легитимностью [10, с. 114].

Как видно, вышеприведенные определения дают основания говорить, о понимании легитимности не только как согласия народа с принимаемыми органами публичной власти в соответствии со своей компетенцией нормативно-правовыми актами, но и как всеобщего одобрения и признания их организа-

ционной деятельности, выраженного через политическую волю большинства избирателей. Легитимность подразумевает придание тем или иным публичным решениям характера народных или же общих, свидетельствующих о наличии выраженной в них воли большинства.

Таким образом, установленная законом процедура образования (формирования) высших органов государственной власти должна обеспечивать легитимное свойство их организационной деятельности, так как они формируются посредством волеизъявления избирателей, непосредственно принимающих участие в выборах [11, с. 101].

Легитимность является многоаспектным понятием. Так, по мнению К. Ф. Завершинского, легитимность следует рассматривать комплексно, через ее проявления «в доверии к нормам, в законодательном подтверждении прав, в правовой подотчетности власти, в идеологической прозрачности (оправданности верованиями) и в исполнении взятых на себя обязательств» [12, с. 130]. В юридической литературе выделяют нелегитимную легальность или же легитимную нелегальность. В частности, профессор Л.С. Мамут писал, что допускается существование «легитимирующей иллегальности и делегитимированной законности легальности» [13, с. 213].

Несмотря на разнообразие моделей организации публичной власти, существующие в настоящее время, общими признаками для них является демократическая основа государства, легитимность образования (формирования) органов публичной власти различного уровня и конституционность их функционирования. Полагаем, что данные характеристики следует рассматривать как ключевые, основополагающие. Именно конституционализация демократического устройства общества, основанного на легитимности деятельности органов публичной власти, во многом будет способствовать обеспечению гармоничного функционирования не только всей системы публичной власти, но и политико-правового и социально-экономического развития самого общества. Как верно указывает И.А. Исаев «легальность власти еще не означает ее законности, если при этом не учитывается индивидуальность и, если ее предписания абстрактны и ни к кому не обращены; легальность же, поддержанная легитимизацией через посредство признания, похоже, может рассчитывать уже на большую значимость и долговечность» [14, с. 2].

Квинтэссенция легитимности, ее сущностное содержание, заключается, по нашему убеждению, в том, что она олицетворяет собой степень реализа-

ции народовластия в публичном управлении на различных уровнях власти.

3. Легитимация публичной власти в Российской Федерации до 1993 года

Известно, что публичная власть, как один из ключевых признаков государства, представляет собой организующую людей, объединяющую их в коллектив, внешнюю по отношению к ним, самоформирующуюся правом, устанавливающую порядок, действующую в определенных территориальных пределах силу [15, с. 14]. В узком понимании аппарат власти и управления вместе с аппаратом принуждения представляют собой публичную власть [16, с. 134].

Отделенная от общества публичная власть в лице своих органов осуществляет управление общественными делами и проводит ту или иную внутреннюю и внешнюю политику. Как показывает история эволюции государства, вопросы легитимности деятельности публичной власти не поднимались в силу различного рода факторов и причин. Однако постепенно, как правило, в результате революционных преобразований, когда начинают появляться первые органы народного представительства (парламенты), когда принимаются акты, ограничивающие власть монарха (конституции), возникает идея легитимности публичной власти и ее предназначения как выражения воли большинства граждан, которые, в свою очередь, принимают, одобряют и поддерживают нормотворческую деятельность органов публичной власти, направленную на регулирование общественных процессов, в основе которой лежит демократическое понимание государственного устройства.

Подавляющее число современных государств характеризуются как демократические, так как устанавливают в своих конституциях организацию публичной власти в основе которой лежит народовластие, то есть народ провозглашается источником власти, а граждане обладают правом участвовать непосредственно или опосредованно в управлении делами государства. Конституции таких стран устанавливают политические, социально-экономические и иные принципы общественного и государственного устройства, которые отвечают формальным требованиям правового и социального государства и, составляют основы конституционного строя. Как известно, практически все конституции стран мира, закрепляют, приоритет прав человека в си-

стеме общественно-государственных ценностей, разделение властей, политический и идеологический плюрализм, неприкосновенность частной собственности, народовластие (демократию).

Таким образом, данные положения, позволяют говорить о том, что публичная власть отвечает признакам легитимности, так как граждане допускаются к участию в управлении делами государства как посредством выборов органов публичной власти, так и с помощью иных форм прямой демократии. Однако необходимо всегда учитывать сопоставление формально-юридической возможности участия граждан в публичном управлении с ее фактической реализацией. Безусловно, что для отдельно взятого государства управленческие процессы с участием граждан в сочетании де-юре и де-факто будут различаться. Рассмотрим вопросу легитимации публичной власти на примере отечественного опыта.

История российского государства с достаточной долей очевидности свидетельствует, что становление и дальнейшее развитие органов публичной власти и управления основывалось на принципах единоначалия и централизации. Абсолютизация верховной власти, выражающаяся в сосредоточении властных полномочий по публичному управлению в руках главы российского главы государства на протяжении нескольких столетий, не могли не отразиться на современной российской системе публичной власти.

Одной из характерных особенностей эволюции российской публичной власти является то, что появление парламента, как органа народного представительства имеет непродолжительную историю. Существовавшие ранее представительные органы, в большинстве своем, выполняли функции консультативно-совещательных при главе государства (Народное вече, Боярская дума, Земский Собор). Только в начале XX века в соответствии с Высочайшим Манифестом от 6 августа 1905 года была учреждена Государственная Дума¹, которой отводилась законосовещательная функция. В соответствии с Положением о выборах от 6 августа 1905 года избираться в Государственную Думу могли представители трех основных курий: землевладельческой, городской и крестьянской, – избираемых губернскими собраниями, в состав которых входили представители соответствующих курий. При этом избирательными правами на тот период времени не обладали женщины, рабочие, учащиеся, военнослужащие.

¹ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций

/ отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1994. 351 с.

В результате Октябрьской революции 1917 года начинается кардинальная трансформация существующей системы публичной власти императорской России. Происходит повсеместное образование советов – органов народного представительства, функционирующих на основе принципа демократического централизма. Однако, следует отметить, что ключевую и, по сути, доминирующую роль в советской системе публичной власти играли партийные комитеты на местах и исполнительные комитеты различного уровня, выполняющие роль исполнительно-распорядительных органов публичной власти.

Советы народных депутатов, Верховный Совет и Съезд выполняли функцию коллективного народного представителя, ратифицирующего проекты решений, подготовленные исполнительно-распорядительными органами власти соответствующего уровня в соответствии с партийными директивами и указаниями. Особенностью советской системы публичной власти стало сосуществование наряду с государственными органами партийных, решения которых были обязательны для всех органов власти и управления. В большинстве своем партийное руководство, органы власти и управления советского государства во главу угла ставили общественные интересы и достижение общего благополучия большинства граждан, что соответствовало концепции социалистического понимания общественного устройства.

Опыт советского государственного строительства показал, что в отсутствие каких-либо иных альтернатив политического развития публичного управления в условиях монопартийной системы у граждан не было выбора при избрании депутатов и иных должностных лиц, кандидатуры которых были заранее согласованы с различного рода комитетами, профкомами, службами. Несмотря на то, что существовали безальтернативные выборы, монопартийная система, единственная коммунистическая идеология, отсутствие как таковой частной собственности, плановая экономика, приоритет общественно-государственных интересов в ущерб частным, тем не менее в советское время отечественная система публичной власти носила «народный» характер, а государство, хоть и не называлось демократическим (видимо по политическим мотивам), было народ-

ным – были народная армия, народными депутаты, народные судьи.

Народный характер деятельности советских органов власти различного уровня и вида, направленный на удовлетворение общественных интересов во имя общего благополучия, поддерживаемый (одобряемый) в целом советскими гражданами имеет ряд положительных аспектов. Антитезисом этому является прошедший 17 марта 1991 года всесоюзный референдум, на котором более 76 % граждан проголосовали за сохранение СССР², но в итоге это выраженная политическая воля граждан была проигнорирована властями. В результате Союз Советских Социалистических Республик (СССР) перестал существовать как государство, а 8 декабря 1991 года главами трех суверенных республик (России, Беларуси и Украины) был подписан Договор об образовании Содружества Независимых государств (СНГ).

4. Легитимация публичной власти в Российской Федерации после 1993 года

Начало новому развитию отечественной системы публичной власти было положено политико-правовыми преобразованиями, начавшимися в конце 80-х и начале 90-х годов прошлого века. Как справедливо отмечает Э. Примова, «легитимация политической власти в условиях сколько-нибудь серьезных социально-экономических и политических трансформаций, особенно в условиях смены политических систем и режимов, представляет собой весьма сложную задачу» [17, с. 116].

Если ранее в Конституции РСФСР 1978 года, с учетом ее изменений и дополнений, народовластие считалось основой государственного управления – вся власть в РСФСР принадлежала народу (ст. 2 Конституции (Основного закона) РСФСР), то согласно статье 3 Конституции Российской Федерации 1993 года носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации признается ее многонациональный народ. Конституция Российской Федерации 1993 года заложила новую конструкцию системы публичной власти. Высшие органы государственной власти федерального и регионального (субъектового) уровня, а также органы местного самоуправления продолжали избираться путем прямых выборов. Однако постепенно намети-

² По данным комиссии по Союзу ССР в целом: в списке граждан, имеющих право участвовать в референдуме СССР, было включено 185 647 355 человек; приняли участие в голосовании 148 574 606 человек, или 80 %. Из них ответили: «Да» 113 512 812 человек, или 76,4 %; «Нет» –

32 303 977 человек, или 21,7 %; Признаны недействительными – 2 757 817 бюллетеней, или 1,9 %. URL: <https://ria.ru/20110315/354060265.html> (дата обращения: 09.01.2021).

лась тенденция к ограничению права избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления, которая проявлялась в сложности осуществления таких возможностей или вообще в отсутствии таковых [18].

Для подтверждения этого тезиса приведем некоторые факты.

Первое. Лишь в период с 1993 по 1995 года что члены Совета Федерации избирались населением соответствующего субъекта Федерации непосредственно. С 1995 года и по настоящее время народ (избиратели) не участвует в формировании «палаты регионов». С учетом конституционных поправок 2020 года Президент может назначать не более 30 представителей Российской Федерации на шесть лет, семь из которых назначаются пожизненно. В этой связи, во-первых, не совсем понятно, что в «палате регионов» (термин, используемый Президентом В.В. Путиным), представляющей интересы субъектов Российской Федерации, делают представители Российской Федерации. Во-вторых, назначение некоторых сенаторов Совета Федерации пожизненно не совсем коррелируется с ч. 1 статьи 1 Конституции, которая устанавливает республиканскую форму правления, не допускающую осуществление государственно властных полномочий пожизненно.

Второе. С 2004 по 2010 года главы субъектов Федерации также не избирались гражданами в связи с изменением порядка наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Федерации. Так, гражданин Российской Федерации наделен полномочиями главы субъекта по предложению Президента законодательным органом соответствующего субъекта Федерации. Однако согласно ч. 2 статьи 55 Конституции в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. По нашему мнению, отмена прямых выборов глав субъектов Федерации (равно как и членов Совета Федерации), есть не что иное как отмена политического права граждан на участие в управлении делами государства посредством реализации активного и пассивного избирательного права.

Третье. Невозможность избрания глав муниципальных образований, так называемых «мэров» непосредственно населением (в абсолютно подавляющем большинстве случаев), так как главой муниципального образования становится или председатель представительного органа местного самоуправления или же глава местной администрации, утверждаемый (назначаемый) по результатам конкурса

представительным органом соответствующего муниципального образования.

Четвертое. Постоянная корректировка избирательного законодательства перед очередной избирательной кампанией, когда меняются те или иные условия проведения процедуры выборов. Назовем лишь некоторые, на наш взгляд, самые существенные: ликвидация порога явки избирателей; переход на от смешанной избирательной системы к пропорциональной и, наоборот, установление семипроцентного заградительного барьера, а на следующих выборах депутатов Госдумы – возвращение к пятипроцентному при распределении депутатских мест по пропорциональной системе, изменение (в который раз) способа формирования Совета Федерации, отмена прямых выборов глав субъектов и вновь возвращение к выборности либо непосредственно избирателями, либо законодательным органом субъекта Федерации и многие другие. Как верно отмечается в юридической литературе, «одним из противоречий при модификации избирательного законодательства является формирование в политическом сознании электората и мировой общественности образа демократического государства, представляющего равные возможности для всех заинтересованных акторов избирательного процесса» [19, с. 760].

Подвергался критике и переход на избрание всех 450 депутатов Государственной Думы по пропорциональной системе. Так, по верному замечанию М.С. Саликова, «отсутствие опыта участия в политической жизни в условиях многопартийной системы, переход к чисто пропорциональной избирательной системе будет способствовать обезличиванию власти, еще большему отдалению ее от рядовых граждан» [20, с. 77].

Эти и другие сложности, возникающие в процессах образования (формирования) органов публичной власти, подвергают сомнению легитимность их деятельности, так как граждане или отстраняются от возможности формировать органы власти, или же в выборах этих органов участвуют недостаточное количество избирателей, которые не могут представлять большинство. Политическая пассивность электората, выражающаяся в игнорировании в различных формах выборы органов государственной власти и местного самоуправления, стала негативной тенденцией, о чем свидетельствуют результаты участия граждан в избирательных кампаниях (президентских 2012 года и парламентских 2011 и 2016 годов). К примеру, низкая явка избирателей (около

48 %) на выборах в Государственную Думу в 2016 году является сигналом, свидетельствующем о степени доверия большинства избирателей к власти. О какой в таком случае легитимности деятельности органов публичной власти можно говорить, если на выборы пришло менее половины избирателей, а голоса из числа пришедших распределились между партиями, которые преодолели 5-процентный барьер? Могут ли сформированная таким образом Государственная Дума быть легитимной?

К сожалению, следует констатировать, что большая часть российских граждан аполитична, в большинстве своем люди не осведомлены по тем или иным причинам об организации публичной власти в Российской Федерации, не знают конституционных положений, смутно представляют порядок образования (формирования) высших органов публичной власти. Как в таком случае говорить о легитимности деятельности органов публичной власти?

Причин для подобного абсентеизма достаточно. Одной из них, по нашему мнению, является низкое материальное благополучие российских граждан, которое отражается на их политической активности. Затруднительно говорить о высокой степени политической активности граждан в период избирательных кампаний, когда государство не создает необходимых социально-экономических условий и достаточных материально-финансовых благ для своих граждан. А ведь именно это, по большому счету, для человека представляет первостепенную ценность. Сложно говорить о самореализации и свободном развитии, когда у человека нет вышеуказанных условий, и отсутствует элементарная экономическая составляющая, позволяющая ему реализовывать свои права и свободы. Например, на свободу передвижения сложно реализовать, если у человека нет материальных ресурсов (денег на проезд (перелет), транспорт) или же их объем недостаточен.

В этой связи, полагаем, что участие в политической жизни страны, в управлении делами государства, взаимосвязано и взаимообусловлено социально-экономическим положением человека. Отрицать объективность этого факта нельзя, равно как и закрывать на него глаза. По верному замечанию А.А. Керимова, в качестве основного индикатора «делегитимизации политической власти выступает уровень политического протеста населения. Первоначально протест может выражаться в виде абсентеизма, снижения показателей на выборах, референдумах и иных явлений, которые свидетельствуют о низком уровне легитимности. За этими проявлениями

может последовать активная фаза протеста, направленная на свержение существующей власти с последующим распадом политического режима» [21, с. 88].

Нельзя не согласиться с Н.М. Добрыниным, что правовым государством следует считать «то, где состоялась комплексная модернизация, а правильнее будет – всеобъемлющая реформа политической системы и экономики, на базе которых произойдут радикальные перемены в социальной сфере и будут установлены совершенно иные ценностные ориентиры и стандарты в культуре, духовности и нравственности, при этом фундаментом такого государства станет зрелое гражданское общество, представленное всеми соответствующими институтами, а само государство – функционирует на ключевых принципах конституционализма и демократии, приоритетом в котором неотъемлемо явится всемерное уважение и защита прав и свобод человека и гражданина» [22, с. 2–3].

Таким образом, как видно, любые органы власти и управления должны не просто быть образованы в строго определенном законом порядке, что будет придавать характер легальности их деятельности, они должны быть прежде всего легитимными, то есть отражать волю большинства избирателей, выразивших свои политические убеждения посредством различного рода институтов и форм демократии, прежде всего на выборах.

5. Народ как источник власти и носитель суверенитета в публичном управлении

Легитимность выступает как политико-правовое доверие граждан органам публичной власти, которые в своей деятельности должны учитывать политическую волю народа и исходить при принятии решений из его интересов. В этом выражается народовластие, а устройство государства характеризуется как демократическое.

Народный характер публичной власти проявляется также в том, что народ непосредственно участвует в процессе образования (формирования) высших органов государственной власти. Однако что же представляет собой народ как юридическая категория? Каковы его конституционно-правовые характеристики и особенности? Что именуется народом в современном правовом понимании? Попытаемся ответить на эти и другие вопросы.

Многозначность понятия «народ» обуславливается различной правовой характеристикой и зависит от содержания, которое вкладывается в значение данного слова. Как отмечают, Е.А. Цишковский и

С.С. Кузакбирдиев, «общее значение термина народ совершенно различно и неопределенно – это и население государства, и жители страны; нация, национальность, народность; основная трудовая масса населения страны; люди, группа людей» [23, с. 97].

В тексте Конституции Российской Федерации 1993 года, наряду со словом «народ», используется слово «население» (например, «укрепления здоровья населения» (ч. 2 ст. 41), «трудоспособного населения» (ч.5 ст. 75), «благоприятных условий жизнедеятельности населения» (п. «е.5» ст. 114), «решение населением» (ч. 1 ст. 130), «определяется населением самостоятельно (ч.1 ст. 131), «с учетом мнения населения» (ч. 2 ст. 131), «в интересах населения» (ч.3 ст. 132).

В свою очередь, слово «народ» употребляется 17 раз. К примеру, преамбула Конституции начинается со слов «Мы многонациональный народ...», далее, «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является многонациональный народ» (ч. 1 статья 3), «самоопределении народов в Российской Федерации (ч. 3 ст. 5), «как основа жизни и деятельности народов» (ч. 1 ст. 9), «гарантирует всем ее народам» (ч. 3 ст. 68), «государствообразующего народа» (ч. 1 ст. 68), «коренных малочисленных народов» (ст. 69), «приносит народу следующую присягу» (ч. 1 ст. 82) и т. д. и т. п.

Наверяд ли кто-либо будет оспаривать тот факт, что смысловое значение употребляемых в конституционном тексте слов «народ» и «население», а также их юридическая характеристика различны. «Народ» и «население» близки по своему контексту в понимании их как совокупности проживающих на определенной территории граждан (население субъекта Федерации, население муниципального образования). Как писал В.Е. Чиркин, население, жители, сообщество граждан субъекта Российской Федерации рассматриваются как часть многонационального народа Российской Федерации; сообщество людей в субъекте Российской Федерации – это народ субъекта Российской Федерации. Формулировка «народ субъекта» более верна, чем понятие жителей или населения, которые «не имеют точной конституционной, публично-правовой характеристики». Термин «сообщество граждан субъекта Российской Федерации» тоже неудачен, ибо субъекты Российской Федерации не имеют собственного гражданства [24, с.10].

В конституциях и уставах субъектов Российской Федерации используется различные термины, как то

– «сообщество граждан», «жители», «население», «народ». К примеру, в Уставе Ростовской области говорится о сообществе граждан, от имени которых осуществляется собственная власть субъекта Российской Федерации. В уставах Калужской области и г. Санкт-Петербурга источником объявлены жители соответствующих субъектов Федерации. В уставах многих краев и областей говорится о «населении» (Пермский край, Ставропольская область, ненецкий автономный округ). Народ как источник власти признается в основных законах Республики Татарстан, Чеченской Республики, Свердловской области и других, кроме Степного уложения Калмыкии. Конституции Республики Алтай, Адыгея, Башкортостан и уставы Забайкальского, Красноярского края, Калининградской, Омской и Ростовской областей содержат указание о праве граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, участвовать в референдуме на территории соответствующего субъекта Федерации. В Уставе Мурманской области одновременно говорится и о населении, и о народе области.

Употребляемые в уставах муниципальных образований понятия «население» или «жители» несколько отличаются по своему смысловому содержанию от аналогичных слов, используемых в Конституции Российской Федерации и конституциях (уставах) субъектов Федерации. Согласно российскому законодательству иностранные граждане могут принимать участие в муниципальных выборах и участвовать в местном референдуме при условии, если они достигли 18-летнего возраста, дееспособны, постоянно и законно проживают на территории соответствующего муниципального образования, и имеется международный договор Российской Федерации с тем государством, гражданами которого являются данные иностранцы.

В этой связи возникает вопрос – если иностранные граждане правомочны участвовать в муниципальных выборах и местном референдуме, то можно ли их рассматривать как носителя суверенитета и источник власти, равно как и включать их в юридическую категорию «народ»? Думается, что нет, хотя они и принимают участие в управлении на низовом уровне публичной власти.

Полагаем, что смысловое значение характеристики народа как источника власти и носителя суверенитета, нуждается в дополнительном конституционно-правовом обосновании. Нельзя не согласиться с И.С. Романчуком, полагающим, что нужно «перво-

начально определить этот субъект, так как, чтобы наделить кого-то властью, надо знать, кто этот субъект или из каких лиц он состоит, в противном же случае получается, что власть отдана какому-то аморфному субъекту, по сути, никому» [25, с. 88–90].

В соответствии с ч. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации народ определяется как *носитель суверенитета* и как *единственный источник власти*. Являются ли эти свойства самостоятельными юридическими компонентами категории «народ» или же их смысловое содержание совпадает? С одной стороны, считаем, что есть необходимость внести юридическую ясность в указанные характеристики народа, в то же время, с другой стороны, мы понимаем, что абсолютной юридической чистоты в данных юридических свойствах добиться сложно, если не невозможно практически. Справедливо утверждение П.И. Костогрызова, предлагающего рассматривать «народ» как метакатегорию, которая в целях познания не может ограничиваться рамками только конституционно-правовой науки, «так как конституционное право фиксирует сложившуюся в обществе конфигурацию властеотношений, оно не может создавать источник самих этих отношений, поскольку источник власти является вместе с тем и источником (в материальном смысле) конституции. А значит, он не может быть исчерпывающе познан средствами конституционно-правовой науки. Поэтому конституции не определяют, а лишь называют источник власти. Его непротиворечивое описание и дефиниция – задача для всей системы общественных наук» [26, с. 40].

Ранее мы исходили из тождественности свойств народа как носителя суверенитета и как источника власти, рассматривая народ только как электоральный корпус – совокупность избирателей [27]. Однако в настоящее время наша позиция сводится к тому, что следует различать юридическое понимание народа как *источника власти* и народа как *носителя суверенитета* в силу их содержательных и иных сущностных свойств.

Отличие между носителем суверенитета и источником власти видится нам, как если бы мы проводили разницу между правоспособностью и дееспособностью. То есть как носитель суверенитета «народ» представляет собой всех российских граждан вне зависимости от особенностей их правового статуса и факторов, влияющих на него (дееспособность, возраст, нахождения в местах лишения свободы по приговору суда и т. д., и т. п.). В свою очередь, народ как источник власти включает в себя

только тех граждан, которые имеют юридическую возможность выражать свою политическую волю посредством институтов прямой (непосредственной) демократии (выборы, референдум, публичные мероприятия). Очевидно, что участвовать в политической жизни страны, равно как и в управлении делами государства, посредством выражения своей политической воли через институты непосредственной демократии могут не все российские граждане. И данный тезис неоспорим.

Таким образом, считаем, что настало время для переосмысления и выработки, по возможности, новой юридической трактовки категории народовластия, некоей конкретизации процесса участия граждан в делах государства на всех уровнях публичной власти. Это предполагает особый дифференцированный подход и соответствующее законодательное закрепление. Только в этом случае мы сможем уйти от юридически аморфного и неконкретизированного понятия «народ» и перейти к конструктивному юридическому установлению параметров и критериев народа как носителя суверенитета и источника власти [28].

6. Выводы

Завершая небольшое исследование, подведем некоторые итоги. Во-первых, легитимность следует рассматривать как не только согласие народа с принимаемыми органами власти в соответствии со своей компетенцией нормативно-правовыми актами, всеобщее одобрение и признание их организационной деятельности, но и как выраженную политическую волю большинства избирателей, нашедшую свое отражение в деятельности органов власти и управления. Именно легитимность, на наш взгляд, является атрибутивным признаком конституционного государства социальной направленности. Легитимность деятельности органов публичной власти прямо пропорциональна политической воле большинства граждан, которую они выражает посредством институтов непосредственной демократии (выборы, публичные мероприятия (собрания, митинги, шествия, демонстрации и пикетирования), референдум и т. п.

Во-вторых, проблематика легитимности и легитимации публичной власти в Российской Федерации остается актуальной и востребованной в научном осмыслении. Необходимо продолжить исследования с целью поиска возможных вариантов решения тех или иных вопросов организации современной системы публичной власти в России. В частности, и прежде всего, порядка (процедуры) образования

(формирования) высших органов государственной власти и органов местного самоуправления с учетом непосредственного участия граждан.

В-третьих, полагаем, что необходимо различать юридическое понимание народа как носителя суверенитета, с одной стороны, и как источника власти, с другой.

В-четвертых, немаловажную роль в процессе легитимации деятельности органов публичной власти стали играть различного рода общественные объединения, некоммерческие организации, а также общественные палаты и советы при исполнительных и законодательных органах государственной власти и местного самоуправления, которые в своей совокупности олицетворяют общественную власть [29, с. 25].

В-пятых, необходимо повысить значение и роль Парламента в системе публичного управления, а не отводить ему, в большинстве своем, решение кадровых вопросов, связанных с назначением (одобрением) тех или иных должностных лиц. Палаты Фе-

дерального Собрания должны представлять интересы и отражать политическую волю российского народа. Становление и развитие парламента есть зеркальное отражение процесса демократизации общества, зрелости партийности, уровня правовой и политической культуры электората.

В-шестых, избранные народом непосредственно органы публичной власти формируют иные органы управления, за деятельность и эффективное функционирование которых они отвечают.

Полагаем, что конституционное закрепление единства системы публичной власти влечет изменение федерального законодательства и законодательства субъектов Федерации, а конституционные поправки 2020 года являются началом дальнейшего реформирования отечественной публичной власти. Не исключаем возможности проведения в ближайшем будущем очередной конституционно-правовой реформы, результатом которой может стать разработка проекта Конституции России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Саленко А.В. Конституционно-правовое значение свободы мирных собраний: доктринальные и судебные подходы в России и Германии / А.В. Саленко // Российский юридический журнал. – 2019. – № 5 (128). – С. 9–17.
2. Авдеев Д.А. Конституционализация легитимности в современной России / Д.А. Авдеев // Вестник Российской правовой академии. – 2017. – № 3. – С. 5–10.
3. Таболин В.В. Эффективность публичной власти: подходы к пониманию и правовой природе / В.В. Таболин // Конституционно-правовые проблемы эффективности публичной власти в России и зарубежных государствах: коллективная монография / под ред. А.А. Ларичева. – Петрозаводск: Карельский филиал РАНХиГС, 2017. – С. 7–16.
4. Большой Юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 704 с.
5. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
6. Истон Д. Системный анализ политической жизни (1965) / Д. Истон // Политология: хрестоматия / сост. М.А. Василик, М.С. Вершинин. – М.: Гардарики, 2000. – С. 319–331.
7. Филиппов А.Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия / А.Ф. Филиппов // Полития. – 2002. – № 2. – С. 146–169.
8. Шабо Ж.Л. Государственная власть: конституционные пределы и порядок осуществления / Ж.Л. Шабо // Полис. – 1993. – № 4. – С. 155–165.
9. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Ю. Хабермас. – М.: Праксис, 2010. – С. 289–296.
10. Хелд Д. Глобальные трансформации / Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Д. Перратон. – М.: Праксис, 2004. – 576 с.
11. Авдеев Д.А. Легитимность публичной власти в России / Д.А. Авдеев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2017. – Т. 3, № 3. – С. 99–112. – DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-3-99-112.
12. Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта / К.Ф. Завершинский // Полис. – 2001. – № 2. – С. 113–131.

13. Мамут Л.С. Легитимация государства / Л.С. Мамут // Право и общество в эпоху перемен. – М. : ИГП РАН, 2008. – С. 212–226.
14. Исаев И.А. Легитимность и легальность в конституционном праве / И.А. Исаев // История государства и права. – 2012. – № 6. – С. 2–6.
15. Иванов В. Теория государства / В. Иванов. – М. : Территория будущего, 2010. – 272 с.
16. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права : учебник / М.Н. Марченко. – М. : Проспект, 2001. – 760 с.
17. Примова Э. К вопросу о легитимности власти / Э. Примова // Власть. – 2013. – № 8. – С. 112–116.
18. Авдеев Д.А. Демократическая иллюзия участия народа в формировании органов публичной власти в России / Д.А. Авдеев // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 4 (45). – С. 23–30.
19. Горбачев А.А. Тенденции и противоречия в процессе формирования Российского парламентаризма / А.А. Горбачев, А.К. Сквоиков // Право и политика. – 2011. – № 5 (137). – С. 752–761.
20. Саликов М.С. Централизм и демократия: проблемы поиска баланса / М.С. Саликов // Централизм, демократия, децентрализация в современном государстве: конституционно-правовые вопросы : материалы международной научной конференции. Москва, 7-9 апреля 2005 г. / под ред. С.А. Авакьяна. – М. : ТК Велби, 2006. – С. 73–78.
21. Керимов А.А. Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели / А.А. Керимов // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2015. – № 1 (137). – С. 81–91.
22. Добрынин Н.М. Конституционализм и правовое государство: теория и практика взаимосвязи / Н.М. Добрынин Н. М. // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 3. – С. 2–7.
23. Цишковский Е.А. Идея народовластия в российской правовой идеологии и доктрине (критический очерк) / Е.А. Цишковский, С.С. Кузакбирдиев // Органы государственной власти Российской Федерации в условиях разделения властей. – Тюмень : Изд-во Тюменского юридического ин-та МВД РФ, 2005. – С. 97–103.
24. Чиркин В.Е. Конституция и современные модели публичной власти: идеологемы и реалии / В.Е. Чиркин // Государство и право. – 2011. – № 6. – С. 5–12.
25. Романчук И.С. Публичная государственная власть: Методология исследования и практика ограничения : учебное пособие / И.С. Романчук. – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2013. – 172 с.
26. Костогрызов П.И. Метакатегория «народ» и границы познания науки конституционного права / П.И. Костогрызов // Lex Russica. – 2020. – Т. 73, № 11 (168). – С. 35–42.
27. Авдеев Д.А. Российский народ как субъект публичного права / Д.А. Авдеев // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 11. – С. 14–17.
28. Авдеев Д.А. Конституционное измерение современного российского народовластия / Д.А. Авдеев // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 6 (102). – С. 20–28.
29. Чеботарев Г.Н. Общественное представительство : монография / Г.Н. Чеботарев. – М. : Юрист, 2017. – 160 с.

REFERENCES

1. Salenko A.V. Constitutional and legal significance of freedom of peaceful assembly: doctrinal and judicial approaches in Russia and Germany. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian juridical journal*, 2019, no. 5, pp. 9-17. (In Russ.).
2. Avdeev D.A. Constitutionalization of legitimacy in modern Russia. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*, 2017, no. 3, pp. 5-10. (In Russ.).
3. Tabolin V.V. The effectiveness of public power: approaches to understanding and legal nature, in: Larichev A.A. (ed.). *Constitutional and legal problems of the effectiveness of public power in Russia and foreign states*. Petrozavodsk: Karelian branch of RANEPa, 2017. P. 7-16. (In Russ.).
4. Sukharev A.I., Krutskikh V.E. (eds.). *The Big Law Dictionary*. Moscow, INFRA-M Publ., 2001. 704 p. (In Russ.).
5. Weber M. *Selected Works*. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p. (In Russ.).
6. Easton D. System analysis of political life (1965), in: Vasilik M. A., Vershinin M. S. (comps.). *Political science: a reader*. Moscow, Gardariki Publ., 2000. P. 319–331. (In Russ.).

7. Filippov A.F. Political sociology. Fundamental problems and basic concepts. *Politeia*, 2002, no. 2, pp. 146-169. (In Russ.).
8. Shabo J. L. State power: constitutional limits and procedure for implementation. *Polis*, 1993, no. 4, pp. 155-165. (In Russ.).
9. Habermas J. Problem of legitimation of late capitalism. Moscow, Praxis Publ., 2010. P. 289-296. (In Russ.).
10. Held D., McGrew A., Goldnatt D., Perraton J. Global transformations. Moscow, Praxis Publ., 2004. 576 p. (In Russ.).
11. Avdeev D.A. Global. The legitimacy of public authority in Russia. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta = Tyumen State University Herald. Social, Economic and Law Research*, 2017, vol. 3, no. 3, pp. 99-112. DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-3-99-112 (In Russ.).
12. Zavershinsky K.F. Legitimacy: genesis, formation and development of the concept. *Polis*, 2001, no. 2, pp. 113-131. (In Russ.).
13. Mamut L.S. Legitimation of the state, in: Grafsky V.V., Slavin M.M. (eds.). Law and society in an era of change. Moscow, ISL RAS Publ., 2008. P. 212-226. (In Russ.).
14. Isaev I.A. Legitimacy and legality in constitutional law. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2012, no. 6, pp. 2-6. (In Russ.).
15. Ivanov V. Theory of the state. Moscow, Territory of the future Publ., 2010. 272 p. (In Russ.).
16. Marchenko M.N. Problems of the theory of state and law. Textbook. Moscow, Prospekt Publ., 2001. 760 p. (In Russ.).
17. Primova E. On the question of the legitimacy of power. *Vlast' = The Authority*, 2013, no. 8, pp. 112-116. (In Russ.).
18. Avdeev D.A. Democratic illusion of people's participation in the formation of public authorities in Russia. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2011, no. 4, pp. 23-30. (In Russ.).
19. Gorbachev A.A., Skovikov A.K. Trends and contradictions in the formation of Russian parliamentarism. *Pravo i politika = Law and politics*, 2011, no. 5, pp. 752-761. (In Russ.).
20. Salikov M.S. Centralism and Democracy: Problems of Finding a Balance, in: Avakyan S.A. (ed.). Centralism, Democracy, Decentralization in a Modern State: Constitutional and Legal Issues. Materials of the international scientific conference. Moscow, April 7-9, 2005. Moscow, TK Welby Publ., 2006. P. 73-78 (In Russ.).
21. Kerimov A.A. The legitimacy of political power: problems of definition and basic theoretical models. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*, 2015, no. 1, vol. 137, pp. 81-91. (In Russ.).
22. Dobrynin N.M. Constitutionalism and the rule of law: theory and practice of interconnection. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2012, no. 3, pp. 2-7. (In Russ.).
23. Tsishkovsky E.A., Kuzakbirdiev S.S. The idea of democracy in the Russian legal ideology and doctrine (critical sketch), in: State authorities of the Russian Federation in the conditions of separation of powers. Tyumen, Publishing house of the Tyumen legal institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2005. P. 97-103. (In Russ.).
24. Chirkin V.E. Constitution and modern models of public authority: ideologemes and realities. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2011, no. 6, pp. 5-12. (In Russ.).
25. Romanchuk I.S. Public State Power: Research Methodology and Practice of Restriction. Tyumen, Publishing House of Tyumen State University, 2013. 172 p. (In Russ.).
26. Kostogryzov P.I. Metacategory "people" and the limits of cognition of the science of constitutional law. *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 11, pp. 35-42. (In Russ.).
27. Avdeev D.A. The Russian people as a subject of public law. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2017, no. 11, pp. 14-17. (In Russ.).
28. Avdeev D.A. Constitutional dimension of modern Russian democracy. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2017, no. 6, pp. 20-28. (In Russ.).
29. Chebotarev G.N. Public representation. Moscow, Jurist Publ., 2017. 160 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Авдеев Дмитрий Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права
Тюменский государственный университет
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
E-mail: d.a.avdeev@utmn
SPIN-код РИНЦ: 4322-4682; AuthorID: 688180

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Авдеев Д.А. Легитимность и легитимация российской публичной власти / Д.А. Авдеев // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 145–158. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).145-158.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dmitry A. Avdeev – PhD in Law, Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law
University of Tyumen
6, Volodarskogo ul., 625003, Tyumen, Russia
E-mail: d.a.avdeev@utmn
RSCI SPIN-code: 4322-4682; AuthorID: 688180

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Avdeev D.A. Legitimacy and legitimation of the Russian public authority. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 145–158. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).145-158. (In Russ.).